

ПРИОСТАНОВИСЬ У ИНОКОВКИ

Жизнь — дорога, и без остановки
Поезд мой летит куда-нибудь.
Приостановись у Иноковки —
Воздуха заветного вдохнуть.

В янтаре медовых зверобоев
Шустро проскользнув, вернусь в вагон,
На свое сиденье голубое,
Зверем, обреченным на загон.

Ты моя бесцельная дорога,
Летняя привычная беда.
В черноземы погрузить бы ноги,
Чтобы не отмылись никогда.

Без звериной не прожить сноровки.
Ноги оплетают сорняки.
Приостановись у Иноковки,
Мне б напиться счастья из реки.

На окно молюсь, как на икону,
А в глазах от скорости рябит,
И шумит мне вслед река Ворона,
По-вороньи, горестно шумит.

Обвенчай славянскими стихами,
 Я в твоих стихах хочу сгореть.
 Замираю, плачу и стихаю,
 Мыслями пускаясь в круговерть.

Город мой в цветах и птицах тонет,
 Звездная намокла в небе ткань,
 Но не дождь, а кровь дрожит в бутоне,
 Кровоток, взрывающий гортань.

Камень к камню, содрогнулись вместе.
 Единенье — это как стихи,
 Словно нарощенье новой песни
 В почках пробудившейся ольхи.

Растянулись стены, как гармони.
 Я молчу. О, как молчитя мне!
 Пряные гераневые корни
 Тихой песней выются по стене.

ГУСИ

Детство пахнет картошкой вареной,
 Кострецом на зазубринах вил,
 Нашей тихой речкой Вороной
 И плотвою, что брат наловил.

Детство пряное; блеклые маки
 Отцветают на грядке в росе.
 Мы бежали в траве без оглядки
 И травы не жалели совсем.

На просторном лугу, чуть подальше,
 От суровых гусей убежав,
 Мы лягушек ловили бесстрашно
 И гоняли пупырчатых жаб.

Замолчали крикливые птицы,
 Заросли осокой берега.
 Лишь лягушка из сказки мне снится,
 И свирепое чудится «га!».

Гуси, гуси! Да пусть бы кричали,
 Пусть колола бы пятки трава,
 Лишь бы речка как раньше журчала
 Там, где бабушка вечно жива.

В ЭТУ ЗЕМЛЮ

В эту землю кротко отцветая
Лепестком воскресшей тишины.
Если ждать тебя, то как с войны.
В вишнях сад, и плачется, как в мае.

Вербы слов боятся содрогнуться,
Мир натянут трепетно, как лук.
Я боюсь теперь других разлук,
Из которых можно не вернуться.

Странная родная сторона,
Бедное надколотое блюдце,
Так хочу теперь к тебе пригнуться,
Лептою оставив семена.

Мир, как слезы детские, правдив,
А другие разве столько значат?
Сын родится — Родина заплачет,
Никуда еще не проводив.

В МАЕ

Пусть смотрит день зеленым взглядом
И не спешит листвою шуршать,
Но вздрогнет вдруг моя душа
От завтрашнего листопада.

Тот, кто крылат, всегда гоним,
И потому все птицы правы.
Как нервно шелестели травы,
Когда вчера я шла по ним!

Те травы ранят все острее,
За то, что я их принимаю.
Быть может, ивы плачут в мае
От листопада в сентябре.

* * *

Разве плачу о многом? —
О доме, как радость, зеленом,
О рассаде на окнах, об утре с теплом молока,
О слегка потемневших, намоленных старых иконах
И о близких (ведь все еще живы пока).

Там расписана печь петухами,
В садах подморожены астры,
И огромной вселенной висят «золотые шары»,

Занавески на окнах, все так же, мягки и цветасты,
Первый снег, словно скатерть, лежит от Горы до Муры.

Разве моря прибой ароматней домашнего хлеба,
Первых яблок, насыпанных ловко в карман?..
Где-то та же черемуха все еще падает с неба
Первым снегом, и полдень все так же румян.

Разве это нельзя — по-весеннему окна расцветить
И увидеть в них старый любимый наш сад,
Там, где самые в мире счастливые дети
Не мечтают пока оглянуться назад?